

Примечания

- ¹ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 1209. Оп. 2. № 11086. Исследованы лл. 1–948об.
- ² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. № 12540. Исследованы лл. 1–438об.
- ³ *Котков С.И.* Южновеликорусское наречие в XVII столетии: фонетика и морфология. М., 1963. С. 105–107.
- ⁴ Диалектологический атлас русского языка (Центр европейской части СССР). Вып. 1. Фонетика. / под ред. Р.И. Аванесова и С.В. Бромлей. М., 1986. Карта 63.
- ⁵ Там же.
- ⁶ *Аванесов Р.И.* Очерки русской диалектологии. Ч. 1. М., 1949. С. 126–127.
- ⁷ Диалектологический атлас русского языка. Карта 48.
- ⁸ Диалектологический атлас русского языка. Карта 52.
- ⁹ Диалектологический атлас русского языка. Карта 48.
- ¹⁰ Диалектологический атлас русского языка. Карта 52.

DOI: 10.31168/2619-0869.2020.2.15

Взгляд сквозь столетие: о чем скажет одежда

Якимова Агата Павловна, Институт славяноведения
Российской академии наук, Москва, Российская Федерация;
e-mail: porfironos@yandex.ru

Ключевые слова: одежда, народный костюм, этнолингвистика, коммуникация, фотография, Болгария, болгарский язык

A look through a century: what clothes will tell you

Agatha P. Yakimova, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;
e-mail: porfironos@yandex.ru

Keywords: clothing, folk costume, ethnolinguistics, communication, photography, Bulgaria, Bulgarian language

Настоящая статья посвящена одежде как семиотической системе, в центре внимания — болгарский традиционный

костюм на старинных фотографиях. Материалом для исследования послужил большой архив фотографий XIX–XX вв., собранный на сайте lostbulgaria.com и свидетельства информантов о функциях одежды начала XX в., отраженные в региональных этнографических очерках.

Исследование культурной значимости одежды заключается не только в сборе иллюстративного материала, но и в анализе символики. В настоящее время собрано огромное количество материалов о народном костюме. В Болгарии с самого зарождения национальной этнографии костюму было уделено значительное внимание. Марин Дринов в конце XIX в. планировал издать второй том «Живой старины» с 40 фотографиями типажей и костюмов, но проект не удался¹. Однако, например, в окрестностях г. Русе фотограф Тишков запечатлел некоторые обрядовые действия и костюмы². В XX в. сугубо описательные методы этнографии сменились аналитическими, структурными или семиотическими методами. Символика, функциональность и культурологическая значимость народного костюма стали предметом многих исследовательских работ. Когда одежду начали рассматривать как набор символов, стало возможным и ее исследование как семиотического явления — элемента предметного кода культуры, использующего в качестве «языка» вещи, созданные человеком. По определению этнолингвистического словаря «Славянские древности», одежда — «наиболее семиотизированная часть предметного кода культурь»³, обладающая уникальными средствами для передачи большого количества смыслов, заложенных в ее компонентах с давнего времени. Именно этнолингвистический подход позволяет анализировать традиционную одежду как текст, как способ человека рассказать о себе.

Интересно, что в разных жанрах фотографии актуализируются разные функции костюма. Можно разделить снимки на студийные фото, репортажные и постановочные.

В студийной фотографии человек за камерой является лишь нарратором, а автор образа — запечатлен на снимке. Если учитывать, что в 1897 г. доля неграмотного населения в Болгарии составляла 84,36%, а среди женщин она достигала 93%⁴, фотография была долгожданной возможностью запечатлеть себя для истории, рассказать о себе. Составить такой рассказ помогал именно костюм. Гата Симеонова указывает на то, что «мотивы увековечения себя и выбор одежды для этого осмысленного поведенческого жеста <...> показывают связь с представлением о костюме как эстетической ценности или этническом знаке»⁵. Показательна фотография 1885 г. участника Сербско-болгарской войны: мы видим сидящего мужчину в военной форме с медалями, справа от него стоит его супруга в народном костюме, а рядом — маленькая дочь, одетая в платье городского фасона. Очевидно, что герой фотографии стремился запечатлеть важный для себя момент полноты жизни, успеха. Репортажная фотография, в свою очередь, позволяет «подглядеть» бытование костюма в его естественной среде: на снимках базара в Софии и фотографиях беженцев 1912 г. мы видим людей, которые оделись не ради съемки или участия в фестивале, а предстают перед нами в своем обычном наряде. Эти фотографии сохранили в себе результат повседневного выбора, который сделал человек другой эпохи, иного типа мышления. Так, например, на снимке беженцев в изношенной домотканой одежде мы видим, что из всех украшений на них сохранились лишь цветные пояски. Пласт фотографий, которые запечатлели «на земле» моменты обрядового действия — это скорее рассказ о том, каким видит героев снимка общество, костюм в данном случае обусловлен местными традициями и требованиями коллектива. Так постановочный снимок жителей села Горна-Студена перед сельской церковью в воскресный день августа 1877 г. представляет костюм Великотырновского района: женский костюм с двумя фартуками. Мужчины

одеты в белую одежду (*белодрешино облекло*). Интересно, что в этом селе находился штаб императора Александра II, на снимке видны люди в форме времен Русско-турецкой войны. Постановочные фотографии — это, как правило, реконструкция костюма, обряда. Здесь также присутствует осознанный выбор: актуализация национальной, региональной функции одежды.

Данный массив текстов — сплав фотоискусства и выбора костюма человеком — представляет собой интересный материал для этнолингвистического исследования. Если понимать одежду как набор символов и выраженное таким образом сообщение, возникает вопрос: для кого это сообщение, и кто может его прочесть? Очевидно, что для реализации коммуникативной функции символика одежды должна была быть осознаваема всем обществом. Свидетельства, подтверждающие это, находим в полевых записях болгарских этнографов, приведенных, например, в книге Р. Ганевой. Наиболее яркая цитата в этом отношении: «*Видиш ли булка с червена престилка ще познаеш, че е млада булка*» [Видишь молодую женщину с красным передником — понятно, что это молодуха]⁶. Приведем еще несколько примеров: «*Завие ли ерген гащник през коляно, значи е за женитба*» [Обернул ли холостяк концы ремня через колено — значит дело к свадьбе]⁷, «*От чукарката като гледаш, ще познаеш коя е главеница, толкова е ласкаво*» [«С холма как посмотришь, сразу понимаешь, кто тут невеста, так сверкает»]⁸.

Таким образом, ключевыми элементами сообщений являются в первом случае *червена престилка*, а во втором — «обернутый» *гащник*. Но их символика обнаруживается только в связи с другими данными: *гащник* холостяка оказывается обвит по колену, а передник — красный, и надет на молодую женщину. Чтобы прочесть эти символы, современный человек должен знать, что, например, парни и девушки танцевали, держась за пояс или ремень друг друга,

что концы пояса у молодого человека особо украшались и свободно висели именно для участия в хороводе (*хоро*), что передник бывал разных цветов, и старые женщины не надевали красные передники, а в давние времена их не носили и до замужества, что красный цвет считался самым красивым и выразительным — другими словами, чтобы прочесть символ, его нужно идентифицировать в контексте культуры. Третий пример не нуждается в сложной интерпретации, однако он довольно емкий и поэтичный. На поляне собралась сельские девушки, а костюм невесты, сговоренной, выделяет ее из общего хоровода: на ней много металлических украшений, серебро сверкает на солнце. Эта функция костюма — выделить человека из группы — сохраняется до сих пор, и наиболее примечательным в этом плане остается костюм невесты. Зритель прошлого воспринимал эти знаки интуитивно, исследователю же необходимо производить анализ представленных данных.

Интерпретация происходит благодаря ярким признакам, присущим предмету и обладающим определенной культурной значимостью, которая постоянно актуализируется в ситуациях социальной коммуникации. В описанных выше случаях информанты отметили красный цвет и само наличие передника, способ ношения ремня и его принадлежность, наличие и материал украшений. В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» описаны значимые для символической функции одежды признаки — наличие/отсутствие предмета одежды, степень одетости, цвет, покрой, размер, способ изготовления и ношения, принадлежность, новизна⁹. С помощью этих признаков предмет или явление причисляется к родственным им другим предметам и явлениям, противопоставляются, включаются в категории. При этом сами признаки соотносятся с «кардинальными концептами добра — зла и жизни — смерти»¹⁰. Именно выделение оппозиций признаков — основной способ организации

семантического пространства культуры. Так, в описанных примерах красный передник соотносится с молодостью, жизнью, плодородием, в культурном дискурсе ему противопоставлен по цвету черный фартук: траурный, старушечий. Право носить металлические украшения девушка получала на помолвке: это был выкуп за невесту, металлу приписывали свойства оберега.

Склонность делать выводы из информации, лежащей на поверхности — одна из черт интуитивного мышления — пожалуй, именно этот вывод из книги нобелевского лауреата Д. Канемана¹¹ как нельзя лучше описывает успех коммуникативной функции одежды. Одежда — это как раз тот набор символов, в который облакал себя человек для первичной коммуникации, основанной не на языковых и речевых способах, а обращенной к интуиции (ср. *встречают по одежке*). Болгарская поговорка «Хубава дреха не прави хубав челяка» [Хорошая одежда не делает хорошим человека] указывает на тесную связь человека и его одежды в контексте социальных отношений. Параллелизм «качество одежды» / «качество человека» в полной мере реализуется в семантическом пространстве культуры¹². Известно множество примеров того, как терминология одежды мотивирует характерное наименование человека, соотнося статус человека и качество его одежды: *потуран*, *цървулан* ‘крестьянин, простак’ от названия крестьянских штанов *потури* и обуви *цървули*; *кавадуша* ‘пожилая уважаемая женщина’ от названия верхней одежды *кавад*, и другие. Но это соотнесение одежды и человека можно рассмотреть и в другом аспекте: костюм — это то, как человек традиционного общества мог рассказать о себе. Рассматривая старинные фото, мы сталкиваемся в первую очередь с рассказом человека о его положении в обществе, ведь костюм, по словам этнографа Г. Михайловой, «материализирует социальную жизнь и визуально ее документирует»¹³. В этом отношении примечателен, например,

портрет Стояна Дончева Каблешкова («чорбаджи Цоков»): герой сидит в расслабленной позе, в черной феске, в богатой, длинной верхней одежде — устойчивом символе достатка и состоятельности.

Обладая сведениями о дискурсе традиционного костюма в болгарском обществе, мы можем использовать фотографии не только как иллюстрацию к этнолингвистическому исследованию, но и как самостоятельный источник информации. Может не быть никаких пометок и пояснений, а представлен только образ человека и его одежда.

Примечания

¹ *Симеонова Г.* Снимката като извор на визуалната етнография. URL: <https://liternet.bg/publish26/gatia-simeonova/snimkata.htm> (дата обращения: 16.03.2020).

² Там же.

³ *Толстая С.М.* Одежда // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 3 К–П. М., 2004. С. 523.

⁴ *Маркарян А.* Как е изглеждала България в цифри преди 124 години (по статистическому сборнику капитана И. Атанасова 1897 г.). URL: https://m.offnews.bg/news/Obshtestvo_4/Kak-e-izglezhdala-Balgarriia-v-tcifri-predi-124-godini_648704.html (дата обращения: 16.03.2020).

⁵ *Симеонова Г.* Снимката като извор на визуалната етнография. URL: <https://liternet.bg/publish26/gatia-simeonova/snimkata.htm> (дата обращения: 16.03.2020).

⁶ *Ганева Р.* Знаците на българско традиционно облекло. София, 2003. С. 61.

⁷ Ibid. С. 221.

⁸ *Велева М.* Облекло. Пирински край. Етнографсик проучвания на Югозападна България. София, 1980.

⁹ *Толстая С.М.* Одежда... С. 523.

¹⁰ *Толстой Н.И., Толстая С.М.* Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М., 2013. С. 131.

¹¹ У автора мысль выражена сложнее: «Склонность делать поспешные выводы из ограниченных данных так важна для понимания интуитивного мышления и так часто упоминается в этой книге, что я буду использовать для нее довольно громоздкое сокращение: WYSIATI, которое

означает: «что ты видишь, то и есть» [What You See Is All There Is].
Канеман Д. Думай медленно, решай быстро, М., 2013. С. 230.

¹² *Якимова А.П.* «Хубавата дреха не прави хубав челяка», или болгарские наименования человека — дериваты от названий предметов одежды // *Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры. 22–23 мая 2018 г. М., 2018.*

¹³ *Михайлова Г.* Предисловие // *Ганева Р.* Знаците на българско традиционно облекло. София, 2003. С. 1.